

Неточно отождествление автором палеоэскимосской культуры с культурой Дорсет (стр. 7): под именем палеоэскимосской объединяется сейчас несколько культур, а не только Дорсет.

Все остальные главы книги: о пище, одежде, народных знаниях, религиозных представлениях и т. д. — написаны очень подробно, с использованием полевых материалов автора, и, на наш взгляд, весьма удачны. Можно отметить лишь мелкие неточности, легко устранимые при переиздании книги. Так, эскимосов не 40 тыс., а свыше 50 тыс. чел. (стр. 3); каяк у аляскинских и гренландских эскимосов не «остается основным и наиболее распространенным средством передвижения и охоты на море» (стр. 53), а, напротив, быстро выходит, а местами уже вышел из употребления, будучи заменен покупными лодками фабричного производства; запряжку собак пугом применяли не только у азиатских эскимосов, но и у эскимосов Аляски (стр. 57). Надо сказать об этом, чтобы не создалось впечатление, что эскимосы Аляски запрягают собак так же, как в Гренландии и Канаде, т. е. веерообразно.

Рецензируемая книга заканчивается живо написанной и содержащей большой фактический материал главой о современной жизни эскимосов.

В целом, несмотря на некоторые частные недостатки, книга Г. А. Меновщикова заслуживает высокой оценки как интересный труд об одной из наименее изученных народностей Советского Севера.

Л. Файнберг

Ш. Инал-ипа. *Абхазы. Историко-этнографические очерки*. Сухуми, 1960, 447 стр.

Одним из важных результатов подготовки советскими этнографами многотомного издания «Народы мира» явилась дальнейшая активизация научной работы в союзных и автономных республиках, в частности появление здесь первых публикаций, посвященных монографическому описанию культуры и быта отдельных народов СССР. Начало такого рода публикациям положено выходом в свет книги Ш. Д. Инал-ипа «Абхазы», родившейся, как отмечает автор, в процессе работы над статьей «Абхазы» для Кавказского тома серии «Народы мира». Вместе с тем рецензируемая книга как бы обобщает и подытоживает значительное количество ранее опубликованных исследований Ш. Д. Инал-ипа по вопросам общественного строя, семейно-брачных отношений и духовной культуры абхазского народа. Ценность этой книги тем более велика, что в основу ее положены оригинальные полевые материалы, на протяжении многих лет собиравшиеся автором в различных районах Абхазской АССР, а также неопубликованные музейные коллекции и архивные данные. Очень широко использованы автором и литературные источники, в том числе уже довольно значительный ряд работ советских абхазских этнографов — И. А. Аджинджала, Л. Х. Акаба, Ц. Н. Бжания и других.

Работа обильно иллюстрирована; в приложении дана обширная, хотя и далеко не исчерпывающая, библиография исторической, этнографической и лингвистической литературы по абхазам.

Оставляя в стороне открывающие книгу географический и исторический очерки, перейдем к ее основному, занимающему более трех четвертей ее объема этнографическому разделу. Этот раздел распадается на 18 отдельных очерков, из которых первые 17 посвящены дореволюционной культуре и быту абхазов, последний — культурно-бытовым преобразованиям, произошедшим в стране в советское время.

Говоря о культурном прошлом абхазов, Ш. Д. Инал-ипа последовательно характеризует их хозяйственный быт, общественный строй, брачно-семейные отношения, основные черты духовной культуры. Все эти культурно-бытовые явления автор стремится рассматривать в их историческом развитии и, хотя эта сложная задача не всегда оказывается выполнимой, в ряде случаев достигает цели, привлекая и сопоставляя археологические данные, древние и средневековые письменные источники, литературные и полевые материалы. Так, в частности, в рецензируемой книге хорошо прослеживается историческая преемственность различных видов хозяйственной деятельности, типов жилища и других элементов материальной культуры. Другой положительной чертой книги является стремление автора проследить исконные связи абхазов с их соседями — адыгами на севере и грузинами на юге, для чего он постоянно обращается к культурным и языковым параллелям, свидетельствующим как о генетической общности, так и о многовековых культурных взаимовлияниях народов Западного Кавказа. В качестве еще одного общего достоинства рецензируемой работы следует отметить довольно четкий показ классовой дифференцированности культуры и быта абхазов в дооктябрьский период и прежде всего — резительных социальных различий в жилище, одежде, пище.

Особенно ценны, на наш взгляд, очерки, посвященные специфике общественных отношений у абхазов в XIX в. Показав феодальный в основе характер этих отношений, автор подробно останавливается на переплетающихся с ними пережитках патриархально-родового строя. В книге описаны и показаны на карте остатки племенных подразделений, охарактеризованы родоплеменная структура, пережитки территориального единства родов и коллективного землевладения. Специальные очерки посвящены родовым институтам кровомщения, аталычества и гостеприимства, подвергшимся, как это хорошо показывает автор, значительной феодальной трансформации. Из других очерков дореволюционного раздела привлекают внимание два последних, где Ш. Д. Инал-ипа удалось систематизировать и уместить в сравнительно сжатые рамки работы огромный материал по абхазской религии и фольклору.

Естественно, однако, что эта первая в советской науке историко-этнографическая монография об абхазах не лишена тех или иных недоработок. Прежде всего нельзя не заметить некоторых композиционных недостатков книги. Так, непонятно, почему при наличии особых очерков, посвященных социальному строю абхазов, некоторые данные по общественным отношениям (наим пастухов — «ачнырра», феодализованные формы взаимопомощи — «агуп» и «кераз» и др.) излагаются не здесь, а вперемежку с данными по технике скотоводства и земледелия. То же следует сказать и о религиозных верованиях, к которым автор, не ограничиваясь специальным очерком абхазской религии, постоянно обращается на протяжении почти всей книги. Приводимые Ш. Д. Инал-ипа интересные сведения о военных обычаях абхазов были бы уместнее не в очерке «Одежда и вооружение», а среди имеющихся далее материалов о пережитках военной демократии. Другим, также чисто редакционным промахом является то обстоятельство, что при чтении книги не всегда легко отделить данные абхазоведческой литературы от собственных этнографических наблюдений автора; в результате собранный и обработанный Ш. Д. Инал-ипа огромный полевой материал подчас как бы теряется среди литературных отсылок и воспринимается как материал литературный.

Остановимся на некоторых частных моментах. Автор вряд ли прав, утверждая, что в дореволюционной Абхазии ни один вид ремесленного производства не успел оторваться от земледелия (стр. 172—173): несколько раньше (стр. 171) он сам показывает, что в стране давно уже имелись кузнецы, не занимавшиеся ничем, кроме металлообработки.

Говоря о превращении «ачмы» (калыма) в «эквивалентное приданое» (стр. 315), Ш. Д. Инал-ипа, по-видимому, не учитывает исследования советских этнографов, показавших, что калым и приданое представляют собой два совершенно не связанных между собой института, развивающихся самостоятельно и — в количественном отношении — в обратной пропорции друг к другу¹. Эквивалентность калыма и приданого может быть лишь временным и случайным историческим совпадением, хотя и обнимающим более или менее длительный промежуток времени. Нельзя согласиться с автором и там, где он рассматривает брак похищением как неизменно насильственный акт (стр. 311), ничего не говоря о поздних вариантах этой формы заключения брака — похищении с согласия девушки (брак уходом) или даже по предварительному сговору обеих семей (фиктивное похищение)². Большим достоинством рецензируемого труда является широкое и, как правило, убедительное использование в нем фольклорного и языкового материала, но нельзя не отметить отдельные сомнительные толкования пословиц и терминов. Так, пословицу «В чьей лодке сидишь, того и песню пой!» вряд ли можно рассматривать как доказательство того, что абхазы в древности занимались пиратством (стр. 184), а абхазское слово «акамчы» (плеть) было бы правильнее сопоставить не с «акама» «кинжал» (стр. 215), а с получившим широкое распространение тюркским словом «камча» (нагайка, плеть).

Но все это — лишь частные и мелкие недочеты рецензируемой работы. Более существенным ее недостатком является другое — несоответствие между первыми семнадцатью этнографическими очерками, посвященными культурному прошлому абхазов, и последним, где рассказывается о преобразованиях в культуре и быте абхазской деревни в советское время. Занимая лишь восьмую часть этнографического раздела книги, описание культурно-бытовых явлений современности заметно уступает описанию дореволюционной культуры полнотой и выразительностью научных материалов. Несомненно удачны здесь страницы, посвященные современному жилищу, интересные данные о пище, внутрисемейных отношениях, народном творчестве, но в большинстве случаев сведения о социалистической культуре абхазов поданы в слишком общей, конспективной форме. В очерке ничего не говорится о современном общественном быте; изживанию религиозных верований уделено несколько строк, причем почему-то в связи с обычаями гостеприимства. С другой стороны, непонятно, почему сведения о народной медицине включены в описание не дореволюционной, а социалистической культуры

¹ Последнюю сводку данных по этому вопросу см. в работе: Н. А. Кисляков, *Семья и брак у таджиков*, Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Макля, нов. серия, т. XLIV, М., 1959, стр. 165 сл.

² Подробнее см.: Я. С. Смирнова, *Об обычае умыкания у абхазов*, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XV, 1952.

абхазов, для которой характерно распространение современной научной медицины, использующей в известной мере народные лечебные средства, но в целом неукоснительно вытесняющей их.

Впрочем, автор и сам хорошо сознает слабые стороны заключающего книгу очерка современной культуры и быта абхазов. Отмечая недостаточную разработанность данной темы, он подчеркивает, что «в этих условиях, разумеется, трудно было показать более широко и на достаточно высоком научном уровне многогранную производственную и культурно-бытовую жизнь советских людей, активных строителей коммунистического общества в нашей стране» (стр. 431).

В целом же рецензируемый труд Ш. Д. Инал-ипа, являющийся первой солидной историко-этнографической монографией об абхазах, заслуживает самой положительной оценки. Он свидетельствует о том, что Абхазский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории провел большую работу в области изучения традиционной культуры и быта абхазского народа и вплотную приступил к решению сложных задач этнографического исследования современности.

Я. Смирнова

*Труды южно-туркменистанской археологической
комплексной экспедиции, т. IX. Ашхабад, 1959, стр. 347*

Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) в течение ряда лет работает над разрешением проблем этногенеза и истории культуры туркменского народа. Ею изучаются памятники материальной культуры прошлого на территории Туркмении, проводятся обширные археологические, антропологические, а также этнографические исследования. Часть материалов, накопленных в процессе работы экспедиции, помещена в рецензируемом томе. Открывается он большой статьей известного среднеазиатского антрополога Л. В. Ошанина — «Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа»; затем следуют статьи В. В. Гинзбурга «Материалы к антропологии населения Южной Туркмении в эпоху бронзы», В. Я. Зезенковой «Краниологические материалы с территории древнего и средневекового Мерва» и М. Е. Массона «Обнаружение человеческих волос двухтысячелетней древности в крепости древнего Мерва».

Далее идут этнографические и археологические работы Д. М. Овезова, В. А. Левиной и Г. А. Пугаченковой.

Следует отметить целенаправленность тома: помещенные в нем работы посвящены этногенезу туркменского народа.

Не вдаваясь в детальный разбор помещенных в томе антропологических статей, выскажем лишь общие соображения относительно выводов, сделанных их авторами, поскольку речь в них идет об этногенезе туркменского народа.

Работа Л. В. Ошанина как бы подводит итог его многолетним исследованиям в области этногенеза туркмен, исследованиям, в которых богатый фактический материал удачно сочетается с палеоантропологическими и умело используемыми сведениями исторических источников. Вывод, к которому приходит автор, полностью подтверждает интересную гипотезу, выдвинутую им более 30 лет назад в статьях «Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения»¹ и «Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен»². Вывод этот сводится к тому, что основу туркменского народа составляют не пришлые тюрко-монгольские племена, а местное, автохтонное ираноязычное население (стр. 59). Эта точка зрения, которую разделяют другие известные советские антропологи — Г. Ф. Дебец, В. В. Гинзбург, Я. Я. Рогинский, несомненно, правильна; она подтверждается и этнографическими материалами.

Статьи В. В. Гинзбурга и В. Я. Зезенковой подкрепляют вывод Л. В. Ошанина и вместе с тем позволяют установить связь местного населения с населением более северных областей уже в очень давние времена, начиная с эпохи бронзы (стр. 105—106), а с V в. н. э. устанавливают появление в его среде монголоидных примесей (стр. 124).

Таким образом, антропологические статьи рецензируемой книги убедительно свидетельствуют о значительной роли населения древней Парфии в этногенезе туркмен и о наличии прямой преемственности между современным населением Южного Туркменистана и его древними обитателями.

¹ «Изв. Средазкомстариса», вып. I, Ташкент, 1926.

² То же издание, вып. III, Ташкент, 1928.